

Упоминание именно «Полкана» и «Бовы» в «Фелице» Державина и в стихотворении «Сон» Пушкина не случайно. Оно указывает на наиболее распространенные из лубочных изданий того времени.

Правда, Пушкин не говорит прямо, что «Полкан» был рассказан ему «мамушкой». Но Добрыню и Полкана он видит во сне непосредственно после ее рассказов, и отсюда вытекает, что сны эти навеяны ее рассказами.

Остается еще объяснить имя Добрыни. Образ «лихого» Добрыни данного стихотворения, обобщенный применением множественного числа и названный в одной линии с Полканом («встречал лихих Полканов и Добрыней»), не может быть отождествляем с выдержанным образом былинного Добрыни. Русское имя Добрыня в иноземном сюжете лубочного характера свидетельствует о том, что сюжет приобретал национальный колорит. Об этом же говорят и «муромские пустыни». Имя Добрыни применялось также в различных литературных произведениях «в русском вкусе».⁶

Все это приводит нас к совершенно определенному выводу: репертуар «мамушки» не совпадает с репертуаром Арины Родионовны. Этот репертуар приводит нас не к русскому устному крестьянскому фольклору, а к обращавшимся в среде городского населения лубочным изданиям. К этому присоединяется фольклор низшего разряда, как страшные рассказы о мертвецах.

Здесь может возникнуть вопрос, не могла ли няня из дворовых объединить эти два вида репертуара? Прямо отрицать такую возможность, конечно, нельзя, но предположение, что Арина Родионовна сообщала мальчику Пушкину исключительно рассказы о мертвецах и лубочную литературу, а взрослому Пушкину исключительно крестьянские сказки превосходного качества, предстает маловероятным. К этому присоединяется другое: образ рассказчицы в стихотворении «Сон» не вяжется с тем образом, который воплощен у Пушкина в лице Арины Родионовны. «Мамушка» из стихотворения «Сон», несомненно, проявляет любовь к мальчику, отклоняя от него злых духов молитвой, но образ ее все же дан сатирически. Это страшная старуха; у нее «длинный рот, где зуба два стучало». Грамматически слова «драгой антик» могут быть отнесены как к облику ее в целом, так и к надетому на нее прабабушкиному чепцу — поэтическое впечатление от этого не меняется. Но слова «драгой антик» ни с какой стороны не были бы применимы к образу Арины Родионовны, «голубки», воспетой им с такой нежностью и любовью.

Остается вопрос, действительно ли в образе мамушки изображена бабушка Пушкина, Марья Алексеевна Ганнибал? Д. Д. Благой, приводя некоторые биографические данные и полемизируя с М. А. Цявловским, склонен отрицать это, предполагая, что в образе мамушки слиты в первую очередь образ няни (хотя Арина Родионовна прямо не называется) и во вторую — бабушки.⁷

Слова Д. Д. Благого, что в данном стихотворении «в лице няни над детской кроваткой Пушкина словно бы склонялась народная крестьянская Россия», не находят себе подтверждения в тексте стихотворения. Однако утверждение, что в лице мамушки изображена бабушка, также не может еще считаться доказанным и требует дополнительной аргументации. Образ мамушки в такой же степени может оказаться литературной условностью, как ложе роз, на котором будто бы засыпает мальчик.

⁶ О нем упоминается в посланиях, которыми обменялись А. Воейков и В. А. Жуковский в 1813—1814 гг. (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин, книга первая. М.—Л., 1956, стр. 299—302).

⁷ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1950, стр. 42—43 и 546—547.